

Институциональная история археологии

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.29.41>

ГУБЕРНСКИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ В ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2021 г. С.П. Щавелёв

Первым, до Октябрьской революции 1917 г. и единственным в российской провинции государственным учреждением, которое время от времени занималось историей, археологией и археографией, были губернские статистические комитеты Министерства внутренних дел. С 1860-х гг. эти официальные органы время от времени получали поручения министерства составить справки по древностям своих губерний, а затем нередко занимались памятниками старины по собственной инициативе. А в их архивных фондах и печатных изданиях накопились богатые сведения о случайных находках древностей и разных археологических объектах. Одним из наиболее активных был статистический комитет в Курске. Его работа и взаимосвязи с другими комитетами позволяет признать за статистическими комитетами одну из форм гражданского общества, где чиновники, ученые и представители общественности изучали и сохраняли следы далекого прошлого.

Ключевые слова: археология регионов страны, гражданское общество в Российской империи, отечественная статистика, губернские статистические комитеты.

GOVERNORATE STATISTICAL COMMITTEES IN THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY

S.P. Shchavelev

Provincial statistical committees of the Ministry of Interior Affairs were the first before the October Revolution of 1917 and the only state institution in the Russian province, which from time to time engaged in history, archaeology and archaeography. Since the 1860s, these official authorities occasionally received instructions from the Ministry to compile information on the antiquities of their governorates, and then often worked with ancient monuments on their own initiative. Besides, their archival funds and printed publications have accumulated extensive information on accidental finds of antiquities and various archaeological objects. One of the most active institutions was the Statistical Committee in Kursk. Its activity and relationships with other committees allow the statistical committees to be recognized as a form of civil society, where officials, academics and members of the public studied and preserved traces of the distant past.

Keywords: archaeology of the country's regions, civil society in the Russian Empire, domestic statistics, governorate statistical committees.

*« ... Свет целый
Вам назовёт мои труды.
К статистике давно в душе питаю страсть я,
И геология внушает мне участие;
В журналах можете вы отыскать следы
Моих разборов, розысков...»*

*Е.П. Растопчина.
Возврат Чацкого в Москву.
1856 г.*

В большинстве губерний и иных областей Российской империи единственной организацией, через которую само государство осуществляло хоть какие-то меры по изучению и сбережению памятников старины, стали губернские статистические комитеты (ГСК). Историко-археологическая, крае-

ведческая деятельность у этих учреждений Министерства внутренних дел (МВД) была явно на втором плане по сравнению с именно статистикой, поэтому она лишь изредка и частично привлекала внимание нынешних историографов (Бердинских, 1994; Захарова, 2005; Игумнов, 2010; Лунев, 1962; Первуш-

кин, 2007; Скопа, 2009; Старчиова, 2004). Моя статья базируется на общих нормативах МВД по работе ГСК и архивных документах ГСК в городе Курске. Его пример весьма типичен – отражает историческую, археологическую, этнографическую, архивную, музейную работу комитетов по всей стране. Появившиеся в конце XIX в. Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК) и аналогичные общества любителей старины были объединениями общественными, внегосударственными. В Курске возникла весьма активная ГУАК, получившая в числе первых четырех комиссий по России бюджетное финансирование. Но ГСК в Курске остался всё равно и продолжал работать вплоть до революции.

Образование Губернских статистических комитетов приняло затяжной характер. И в пред-, и в пореформенной России основная масса статистических сведений, необходимых для практической работы администрации в центре и на местах, официально собиралась через аппарат МВД. Еще в 1811 г. при нем открылось статистическое отделение. Как это нередко бывает с бюрократической машиной огромной империи, заработало оно далеко не сразу. В 1834 г. при Совете МВД было, наконец, выделено специальное *Отделение статистики МВД* с конкретизированными наконец полномочиями и задачами. Оно обязывалось разрабатывать формы статистической отчетности для губерний, областей и краев, а затем суммировать собираемые по таким формам данные. Так, по закону от 20 декабря 1834 г. начали создаваться *статистические комитеты в губерниях*. Первоначально, сколько можно судить по министерской переписке с местными властями, они существовали только на бумаге. Хотя к 1850 г. числились открытыми 54 комитета, в том числе курский, большинство из них до тех пор бездействовало. Потребность в мало-мальски дееспособной статистической службе у русского государства и общества созрела постепенно. Многие комитеты пришлось переоткрывать по два-три раза, поскольку в губернии просто забывали о существовании у них (на бумаге) такого учреждения. Курский комитет начал спорадически действовать, каждый раз после начальнических импульсов из столицы, в числе первых по стране, уже со второй половины 1830-х гг.

Личный состав Губернских статистических комитетов в обязательном порядке заключал в себя чиновников – руководителей всех основных учреждений и общественных

институтов губернского масштаба, а именно: предводителя дворянства, вице-губернатора, попечителя гимназий и прочих училищ, прокурора, инспектора врачебной управы, управляющего удельной конторы, члена духовной консистории (по назначению епархиального архиерея) и так далее по списку губернских чинов. Председателем комитета по совместительству автоматически назначался начальник губернии (позднее именовавшийся губернатором).

В качестве членов комитета «по избранию» и «корреспондентов по его же выбору» привлекались лица из числа «постоянных жителей губернии, пользующихся общим уважением». То есть мало-мальски состоятельные и заведомо благонамеренные в отношении властей люди; главным образом здешние помещики и купцы попросвещеннее и побогаче. С их помощью предполагалось собирать информацию в глубинке – по уездам и волостям, а также относительно специальных сюжетов, вроде тех же археологии или археографии. Кроме того, власти рассчитывали на денежные пожертвования состоятельных земляков на пользу учреждения, занятого изучением их родного края. Разночинная интеллигенция – учителя, врачи, техники и специалисты иного рода, начинающие чиновники – проявили себя на поприще исторического краеведения гораздо позднее – в составе ГУАК (с 1900-х гг.). *Бюджет статистических комитетов* поначалу оставался мизерным. Из губернских смет выделялась символическая сумма на канцелярские принадлежности и оплату одного-двух писцов. Сами члены комитета должны были трудиться в нем безвозмездно. Так что новорожденное учреждение изначально носило вполне филантропический характер, хотя и рассматривалось как прямое продолжение государственной службы на местах. Только с 1853 г. пособие увеличили до 100 рублей ежегодно и установили платную (из указанной суммы) должность секретаря комитета. Ее обычно совмещал кто-то из чинов губернского центра со своей основной работой. В большинстве случаев секретарями ГСК служили чиновники для особых поручений при губернаторах, редакторы «Губернских ведомостей» или же инспекторы учебных округов. Тем самым статистическое дело в провинции, а заодно и организацию региональной истории и археологии удалось сдвинуть с мёртвой точки.

Компетенция Статистического комитета явно противоречила его материальным и

кадровым возможностям. Ведь круг поставленных перед ним задач определили довольно широко и продолжали расширять с годами. Согласно инструкции министра внутренних дел за 1852 г. основные функции статистической службы выглядели следующим образом: «...Собирать и содержать всегда в исправности числовые данные: а) о населении губерний, областей, уездов, городов, посадов, местечек и пр. [населённых пунктов – С.Щ.], с распределением жителей по полам, сословиям, вероисповеданиям, расселению и степени водворения и о движении народонаселения; б) о пространстве и распределении земель, о числе поселений...; в) о составе губернского управления...; г) о состоянии губернского хозяйства – поступлении податей и разных сборов...; д) о числе и состоянии имений...; е) о числе и родах преступлений...; ж) о посевах и урожаях хлеба, трав, и проч...; з) о числе и размещении торговых капиталов...; и) о числе заводов, фабрик и мастерских, распределении и положении рабочих» (Юбилейный сборник, 1913, с. 6).

По этим и многим другим рубрикам исходные сведения доставлялись для сводной обработки в виде 77 таблиц в Петербург губернскими и областными¹ ГСК ежегодно. Чиновники – действительные члены комитетов готовили цифровые данные по своим отраслям управления на подведомственной территории. По остальным разделам местной статистики данные запрашивались в официальном порядке через городского голову, а также полицию, ведавшую волостными старшинами, и духовную консисторию, правившую приходскими священниками. Все собранные сведения объединялись в «Обзор» – обязательное приложение ко «всеподданнейшему отчету» губернатора в столицу за каждый год. Получавшиеся в итоге многие тысячи статистических сводок, как правило, реалистичных, превратились со временем в важный источник исторических знаний о России. Расцветшая позднее земская статистика удачно дополнила эту государственную, но не отменила и не заменила ее.

Первые краеведческие мероприятия ГСК относятся к географическому направлению становления отечественной истории и археологии (Щавелев, 2011). На его финальном отрезке к внутренним стимулам для занятий разными древностями (ученая любознательность) добавились внешние (придворные и провинциальные чиновники подстраивались под одну из хороших претензий сурового

императора Николая I – выказать себя радетелем русской старины).

Так, ещё в 1836 г. курский губернатор Михаил Николаевич Муравьев² обратился с посланием к руководителю местного духовенства архиепископу Курскому и Белгородскому Илиодору с заданием «возможно полное историко-географическо-статистическое описание Курской губернии». С одной стороны, официального главу статистического комитета интересовала наличная численность священнослужителей и монашествующих, величина их собственности и годовых доходов, тому подобные цифровые данные. А с другой – исторические описания церквей и монастырей, хранящиеся при них летописи и прочие старинные документы, а также «местные исторические народные предания с подробным описанием мест, о которых предания сохранились, ...особенно мест сражений и остатков или признаков городов, давно запустевших...». Предлагалось еще составить биографии «знаменитых духовных лиц, как уроженцев Курской губернии, так равно ознаменовавших какими-либо отличными делами папство своё в этой губернии».

К письму прилагалась пространная, на 19 вопросов анкета под заглавием. В ее составе кроме собственно демографических и экономических пунктов содержались вопросы историко-краеведческого толка. Как например: о времени и обстоятельствах основания храма, понесённом им в прошлом ущербе от неприятелей, о посещении его знаменитыми лицами, наличии редких икон, колоколов и других предметов церковной утвари «отличной живописи, особенной древности...», с возможно подробным историческим пояснением оных и описанием их самих» (ГАКО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1636. Л. 1–2).

Илиодор был учёным священнослужителем, одно время – профессором церковной истории Костромской духовной семинарии. С 1832 г. он почти тридцать лет возглавлял Курско-Белгородскую епархию – срок уникальный для синодального периода РПЦ. Тем не менее по запросу губернатора тогда ничего не удалось сделать. Прямые ответы на запрос о церковных древностях в Курске дали лет тридцать спустя. Видимо, у епископа не нашлось способных к историческим разысканиям подчинённых. Однако для развития провинциальной культуры и особенно любительской историографии немаловажно заметить по крайней мер появление историко-краеведческих проблем в поле зрения

губернского начальства. Судя по всему, губернатор ещё не мог рассчитывать на другие источники краеведческой информации, кроме мало-мальски образованного и располагавшего свободным временем духовенства. В губернаторском письме к епископу выражалось мнение, «что священников не затруднит подобное занятие, потому как, с одной стороны, они принадлежат к просвещённейшему сословию, а с другой, живя постоянно на одних местах, без сомнения знают наилучшим образом их окружающее», как в настоящем, так и в прошлом, сколько-нибудь для них обозримо. Отрицательный результат запроса продемонстрировал, что духовенство-то было не слишком просвещённым, да и денежное содержание церковного причта на местах оставляло желать лучшего.

На примере этой краеведческой инициативы губернатора М.Н. Муравьева можно лишний раз увидеть роль политической идеологии в отношении государства к историческим древностям. Когда этот же рьяный администратор в дальнейшем замирал после восстания 1863 года Царство Польское, он, среди прочих мер по искоренению «антирусского духа», закрыл Виленский музей древностей и Археологическую комиссию при нем. Под флагом национальной старины на окраинах империи нередко вызревала политическая оппозиция имперскому режиму. Курская, как и вся центрально-российская, археология в глазах властей подтверждала идею единства Российской империи, а польско-литовская же спорила с ней.

В 1837 г. Курский ГСК повторно обратился в Курско-Белгородскую епархию – на сей раз насчет вещей, грамот и других бумаг, как-то относящихся «ко в бозе почившим российским самодержцам и их вельможам», а заодно и прочих предметов, своей «древностью и редкостью достойных примечания» (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Л. 1). Описания и по возможности изображения, копии таких памятников старины требовалось представить губернатору. Судя по тому, что полученные благодаря данному запросу материалы полностью, в оригинале сохранились в делах этого комитета, а не были отправлены в МВД, мероприятие это являлось, скорее всего, местной инициативой, желанием губернатора лишний раз при удобном случае отличиться при дворе таким патриотическим шагом.

В дальнейшем ГСК неоднократно пытался привлечь к сотрудничеству губернское духовенство. Однако деятели церкви соглашались

заниматься прошлым только по своей части – храмово-приходской, что и было гораздо реалистичнее с учетом их уровня гуманитарной образованности. Им действительно удалось подготовить несколько «исторических описаний» важнейших православных святынь края, где ценные для исторической науки сведения за XVIII–XIX столетия сочетались с примитивными легендами явно книжно-фольклорного происхождения. Попытки же составить сводное «*Церковно-историческое и статистическое описание Курской епархии*» тянулись с 1838 по 1865 годы. Проверка архивов церковей и монастырей губернии обнаружила манускрипты XVII–XVIII вв. Однако члены специального комитета епархиальных историографов затруднились читать их – древнерусской палеографии и текстологии их в духовных семинариях и академиях не обучали. Наконец, учитель Курской семинарии Матвей Васильевич Архангельский (умер в 1860 г.) составил «Записку» – вариант такого описания на требовавшуюся его начальству тему. Ее переслали на усмотрение всесильного обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа А.П. Толстого (1801–1873). Затяжная переписка епархии и Синода по поводу этой «записки» в несколько раз длиннее ее самой. Курские епископы явно больше заботились о том, чтобы создать у Синода впечатление об их якобы напряженной работе над историей вверенных им владений, нежели самим написанием такой истории. Рукопись М.В. Архангельского послали в столицу в оригинале, не оставив у себя в Курске копии. Так что, когда в 1866 г. Синод опять затребовал от губерний церковно-исторические данные, приказав их печатать в газетах епархиальных управлений, курянам нечего оказалось опубликовать – рукописная сводка Архангельского сгинула в синодальном делопроизводстве, а ничего другого на сей счёт после нее в епархии долго не предпринимали.

Даже зауженные рамками охранительной политики, историко-краеведческие поиски ГСК давали порой небезынтересные для исторической науки результаты. Сейчас уже не особенно важно разбирать, какими именно мотивами руководствовались губернские чиновники, выявлявшие и сохранявшие свидетельства далёкого прошлого своего края. Иначе эти памятники могли вовсе не дойти до потомков. Так, в результате предпринятого в 1837 г. розыска древностей по курским церквям и часовням оказались найдены и скопированы для этого комитета грамоты царей

Алексея Михайловича (за 1646 год), Петра Алексеевича и царевны Софьи (датированная 7195, то есть 1684 г.). Этими документами сопровождалась высочайшая пожалованная курским храмам драгоценных атрибутов священства – серебряных, чеканной работы и вызолоченных крестов. Кроме того, комитет получил тогда же описания внешнего вида и копии надписей на других предметах церковной утвари – блюдах, иконах, панагиях, крестах-энколпионах со святыми мощами, колоколах и прочих атрибутах православного культа, подаренных здешним монастырям представителями царствующего дома за XVI–XVIII вв.

В 1840 г. курский губернатор по своей инициативе сообщал в Петербург, в МВД «о земляном вале, пролегающем в Белгородском уезде» (Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 6. Оп. 51. Ч. 4. Д. 71). Это первая в истории Российской империи известная мне реакция здешних властей на открытие собственно археологического (в современном значении этого слова) памятника. Благодаря чему информация о нем поступила в центральный архив государства и сохранилась до наших дней, когда сам памятник в значительной своей части утрачен из-за природной стихии и людского хозяйствования, изучен в малой степени (Кучера, 1990).

За 1830–1850-е гг. наладить сколько-нибудь систематическую деятельность ГСК вообще, в том числе по краеведческой части, так и не удалось. Только с началом великих буржуазных реформ произошла *реорганизация Статистических комитетов и расширение их краеведческих функций*. Страна, стоявшая на пороге капиталистической стадии своего развития, наконец остро ощутила дефицит информационно-статистических ресурсов. Поэтому в 1852 г. на базе аморфного Статистического отделения МВД в составе правительства основали специальный Статистический комитет. Его директором стал известный учёный (географ, ботаник, экономист) и прогрессивный государственный деятель Пётр Петрович Семёнов (в будущем еще и Тянь-Шанский). С 1857 г. возглавляемая им служба стала именоваться *Центральным статистическим комитетом* (ЦСК), что уже вполне соответствовало его координирующей роли по сбору информации ото всех частей России. Административный статус, возможности статистической службы в государственном механизме империи повысились в конце концов должным образом.

Соответственно, захиревшие было на местах комитеты статистики начали будить к активной работе. Их число выросло до 70 – по численности губерний и прочих областей Империи. 26 декабря 1860 г. утверждено новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», действовавшее до конца существования этих организаций, положенного Октябрьской революцией 1917 г. Бюджет каждого вырос до полутора-двух тысяч рублей в год. Выделялись и постоянные ставки секретаря комитета и двух его помощников-письмоводителей. Предписывалось иметь особое помещение для их работы и хранения текущих и архивных дел учреждения. Обязательное председательство губернатора сохранялось. Непременными членами оставались высшие должностные лица губернии, а действительные и почётные члены избирались из лиц высокообразованных или очень богатых, могущих меценатствовать. Число отчетных таблиц для комитета сократилось до 13, но по ним начали строго спрашивать точные и своевременные данные.

По новому статусу «на обязанность комитетов возложена забота о составлении подробных описаний губерний и замечательных местностей в топографическом, *историческом*, промышленном, сельскохозяйственном и прочих отношениях и *об издании трудов своих* в свет. Комитеты имеют право требовать для своих изысканий и работ содействия всех лиц и мест, подчиненных губернскому начальству и *снаряжать экспедиции для изучения губернии*, причём председатели комитетов могут командировать для той же цели, по определению комитетов, благонадежных лиц».

В особом циркуляре МВД от 8 апреля 1861 г. за № 397 выражалось пожелание, дабы деятельность губернского статистического комитета шла «как учреждения административно-учёного, а не просто административного», то есть без ненужных формальностей, «в виде, соответствующему более ученому обществу, нежели присутственному месту» (Воскресенский, 1892, с. 4) с его чиновничьим и внешней дисциплиной. По разъясняющему этот замысел определению директора Центрального статистического комитета П.П. Семёнова, ГСК должны были служить «одной из самых высоких в жизни задач – отечественного самопознания» (Семеновский, 1872, с. XXXI).

Просмотр публикаций различных комитетов демонстрирует: активная исследователь-

ская и охранная работа велась на местах там, где в их составе оказались *энтузиасты исторического краеведения*. Основную нагрузку при этом несли *секретари губернских статистических комитетов*, которых губернатору предписывалось назначать «из лиц, имеющих ученые степени или, по крайней мере, окончивших курс в высшем учебном заведении» (напомню, что первой ученой степенью до 1884 г. у нас в стране считалась кандидата университета, примерно эквивалентная нынешнему диплому высшего учебного заведения с отличием. За ней уже шли магистерская и докторская). Именно секретари планировали работу комитета; редактировали его делопроизводство и печатные труды; представляли губернию на различных совещаниях и съездах учёных и специалистов-практиков, довольно часто проводившихся в ту пору по разным отраслям знания; вели переписку со столицей и уездами по различным запросам на краеведческие темы; комплектовали подборки музейных экспонатов, тем или иным путём попадавших в губернаторскую администрацию. Таким образом, в лице комитетских секретарей перед нами по сути инспекторы по охране памятников старины и координаторы их разностороннего изучения в каждом из субъектов тогдашнего Российского государства.

На этой должности в Курске перебивало немало лиц, так или иначе участвовавших в краеведческой работе. Первым стал Иван Иванович Бесядовский, совмещавший в начале 1860-х гг. эту должность с редактированием «Губернских ведомостей». Следующим (с 1869 по 1873) секретарём оказался Юрий Иванович Кушелевский (1825–1873) – личность, судя по архивному делопроизводству с его участием, довольно бесцветная и после делегатства на I Статистическом съезде России от дел комитета устранившаяся. В Курск он перебрался из Сибири, где много путешествовал, собирал материалы по этнографии и географии, а в «материковую» Россию перебрался, как видно, чтобы отдохнуть от морозов и пурги. По сравнению с экзотическими самоедами, торосами и айсбергами курская лесостепь с крестьянскими хатами-мазанками под соломой казалась ему, как видно, тривиальной. Более заметную фигуру на краеведческом поприще представлял собой *Александр Михайлович Мизгер* (1835–1891) – кандидат Харьковского университета, учитель естественных наук в мужской гимназии Курска, автор содержательных книг

о курских растениях и полезных ископаемых. Числившийся после него в комитете с 1888 г. статский советник С.Н. Бельченко почитал это поручение синекурой, а вот сменщик его здесь – *Тит Иоильевич Вержбицкий* (1845–1899) вполне подошёл на эту должность, насытил издания комитета ценными материалами об истории Курска и его уездов.

Наиболее же подходящим на роль секретаря здешнего статистического комитета оказался (с 1899 г.) *Николай Иванович Златоверховников* (1865 – после 1917, в эмиграции). Он стал самым деятельным и плодовитым, пожалуй, представителем и организатором исторического краеведения в Курске до революции. А «воспитание получил в Императорском Московском университете, но полного курса не закончил», отмечается в собственноручно заполненном им формулярном списке о службе. Учебу пришлось бросить, видимо, по бедности, ибо с 1896 г. Златоверховников «на службе в штате канцелярских служащих курского губернатора».

Златоверховников чаще кого бы то ни было публиковался в здешней периодике и с курскими корреспонденциями в столичной прессе; выступил инициатором и оставался бессменным редактором и составителем полупериодического «Курского сборника», вобравшего в себя много ценных тогда и до сих пор статей по археологии и этнографии края; был делегатом от губернии на нескольких Археологических съездах и выставках. Служа с начала XX века по совместительству с комитетом чиновником особых поручений при нескольких курских губернаторах, Николай Иванович часто разъезжал по губернии, но, как ни странно, полевая археология его не привлекала. Ей он явно предпочитал свой городской кабинет, где сочинял обзоры курских древностей, в том числе археологических, опираясь на письменные источники и письма в комитет очевидцев разных городищ и курганов, тому подобных объектов.

Его имя стоит в почетном ряду таких выдающихся историков российской провинции, как П.С. Ефименко (Архангельск, затем Харьков), Н.Г. Первухин, Н.А. Спасский (Вятка), Е.Д. Фелицын (Кубань), князь Н.А. Костров (Томск), Р.Г. Игнатьев (Приуралье), И.И. Дубасов (Тамбов), А.С. Гациский (Нижний Новгород), А.В. Селиванов (Рязань), П.В. Алабин (Самара), Н.И. Второв, Л.Б. Вейнберг (Воронеж), К.П. Тихонравов (Владимир), Н.Ф. Окулич-Казарин (Псков) и некоторых других их сподвижников по членству в мест-

Рис. 1. Николай Иванович Златоверховников (1865 – после 1917) – лучший секретарь Курского губернского статистического комитета. Архив автора.

Fig. 1. Nikolay Ivanovich Zlatoverkhovnikov (1865– after 1917) – the best secretary of the Kursk Provincial Statistical Committee. Archive of the author.

ных статических комитетах. Каждый из них стал основоположником истории, археологии и этнографии своего родного края.

Фонд курского ГСК, как он сохранился в областном архиве, неоднократно использовался исследователями и частично введен ими в научный и практический, педагогический оборот. Дореволюционные и советские археологи не раз обращались к его материалам ради подготовки разведок и картографирования городищ и курганов, монетных и вещевых кладов в Курском Посеймье. Архитекторы и музейные работники – при составлении планов реставрации памятников зодчества и нового строительства на территории областного центра. Историки и архивисты, журналисты и краеведы – за самыми различными сведениями о прошлом Курского края и отдельных его районов.

Краеведческое направление в деятельности Курского комитета первоначально оформилось как его *сотрудничество со столичными учеными и организациями*. По ходу масштабных реформ 1860–1880-х гг. в России возникали и развивались объединения, чьей специальной задачей стала организация историко-археологических исследований. Среди них выделялась главная, причем единственная государственная организация такого рода

– Императорская Археологическая комиссия (ИАК) в Петербурге (с 1859 г.). Она числилась при Министерстве (императорского) двора, через него получала ежегодные дотации из казны и ее непосредственной обязанностью было пополнение коллекций Императорского Эрмитажа.

Среди добровольных общественных объединений любителей и профессиональных исследователей старины выделялись опять-таки Императорские (находящиеся под личным покровительством того или другого представителя царствующего дома) общества – Русское в Петербурге (ИРАО, с 1846 г.) и Московское (ИМАО, с 1864 г.) Археологические. Продолжали свою работу также Этнографическое отделение Императорского Русского Географического общества (ИРГО) и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ, с 1863 г.) при Московском университете. Вот эти-то центры гуманитарной науки периодически обращались с предложениями сотрудничества к провинциальной интеллигенции, местным властям. В Курске такие обращения всегда находили сочувственный отклик и с них здесь началось мало-мальски организованное на коллективных, плановых началах историческое краеведение, как научно-исследовательское, так и музейно-охранное.

ИМАО, созданное и возглавленное графом *Алексеем Сергеевичем Уваровым*, первым обратилось в МВД с инициативой использовать подведомственные тому комитеты статистики для розыска и учета сохранившихся древностей. Предложение было принято и очередным отношением Центрального комитета за № 63 от 27 апреля 1863 года всем губернаторам сообщалась «Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов» (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–2). В основе этого документа лежала печатная «Записка для обозрения русских древностей» (Сахаров, 1851), составленная еще петербургским сотрудником А.С. Уварова – антикварием и фольклористом И.П. Сахаровым. Ее можно рассматривать как первую инструкцию русским археологам и другим специалистам по исторической старине для проведения полевых, камеральных и музейных работ. Правда, отдача от нее оказалась невелика. Автор не был еще никаким методистом в археологии да филологии.

Так, в Курске вместе с уведомлением о получении «Программы» смогли выслать по

адресу ИМАО только монетный клад, найденный в городе при рытье котлована на одной из купеческих усадеб – 874 серебряных гривны царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Клад нашли за несколько лет перед тем и хранили его в полицейском участке – местные власти просто не знали, куда его передать, а находчикам возвращать было жалко.

Так что археологическая инициатива ИМАО весьма своевременно ориентировала провинциальные власти и губернских интеллектуалов по поводу возможностей экспертизы, музеефикации разных древностей и вообще помощи местным и приезжим лицам в изучении замечательных памятников старины. С тех пор курский комитет стал систематически, едва ли не ежегодно обращаться в ИМАО, а затем и в ИАК с сообщениями о случайных находках старинных предметов, чаще всего — монетных кладов на своей территории.

Затем ИМАО в лице своей следующей председательницы – графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, сменившей на этом посту безвременно скончавшегося супруга, начала регулярно привлекать курян к участию в работе своего главного детища – Археологических съездов и Предварительных комитетов (ПК) по их подготовке. С этой целью в Курск высылались программы съездов и все остальные издания Общества, пополнявшие библиотеку ГСК. Не раз очередной курский губернатор в письмах «ее сиятельству графине» благодарил ее с московскими сотрудниками, которые «любезно приняли на себя труд по определению историко-археологического значения предметов курской старины».

ГСК принял на хранение в одном из своих шкапов большинство вещевых находок из суджанских и рыльских курганов, изученных училищным смотрителем А.И. Дмитриевым. Из этой подборки позднее вырос Курский краеведческий музей. Новаторской оказалась статья этого же автора о его раскопках, опубликованная в очередном выпуске «Трудов» курского комитета вкуче с отличными картами и масштабными рисунками самых типичных находок (Щавелёв, 1996).

Кроме упомянутых, курский комитет ввел в научный оборот описание всю разрушавшихся уже тогда валов и рвов Ратского городища под Курском, напечатав в первой же «Памятной книжке» губернии соответствующий репортаж любознательного экскурсанта из Курска (Древности, 1860). Когда на этом

археологическом памятнике возобновлялись археологические исследования (археологами И.И. Ляпушкиным в 1940-е гг.; Ю.А. Липкиным в 1950-е; А.В. Кашкиным и А.А. Узяновым в 1970-е; В.В. Енуковым в 1990-е, тогодились скромные, но весьма оригинальные данные осмотра этого городища оставшиеся от XIX в.

В публикациях ГСК отражен и целый ряд других археологических находок. Хотя мало-мальски систематическое изучение разных археологических культур в пределах одного географического микрорегиона оказалось для российской провинции делом отдаленного будущего.

Чаще всего по линии комитета учитывались монетные да вещевые клады, периодически находимые в провинции. Гораздо реже губернским краеведам доставались менее драгоценные, но порой более информативные в научном отношении находки. Так, в 1876 год «обоянский уездный исправник доставил кость мамонта, найденную в горе у слободы Казацкой при раскопке камня, и оленин череп с рогами в 16 отростков, вытасченный из реки Псла крестьянами хутора Трешна при ловле рыбы. К этому г-н уездный исправник присовокупляет, что в памяти жителей Обоянского уезда не сохранилось преданий о водившихся там когда бы то ни было оленях» (Протокол, 1976, с. 5).

А в 1893 г. полицейский исправник Новооскольского уезда рапортовал губернатору А.Д. Милютину о том, что «в слободе Ольшаке 14 июня сего года при исправлении улицы рабочими и сотским Стефаном Ровенко найден в земле большой квадратный зуб допотопного животного... Зуб найден в глубине от поверхности земли на 1,5 четверти в жесткой глине». Вскоре, 24 августа губернатор получил аналогичное донесение из другого пункта того же уезда. «Крестьянин слободы Покровско-Михайловки Аким Кононов Гусятников на земле своего общества... в глубоком овраге, находящемся в поле на расстоянии от деревни Татьяновки в двух верстах, в июне сего года нашел клык большого животного. Клык замечен был случайно, когда Гусятников зашёл в этот овраг с целью укрыться от бури, клык торчал из-под земли. Клык длиной 2 аршина 3 вершка, весом 31 фунт. Оба конца обломаны, и неизвестно, какой длины до повреждения» (Горбачев, 2015, с. 7).

Губернатор не замедлил отправить явно мамонтовые кости в ИАК с надлежащим рапортом про обстоятельства находок. Та

передала их в Зоологический музей, где и подтвердили, что получены коренной зуб и бивень мамонта. Секретарь Академии генерал-лейтенант Н.Ф. Дубровин отписал Милютину, что кости «не имеют никакой ценности и интересны лишь как новый материал для познания географического распространения этого вымершего животного». Гусятников даже получил из Петербурга свою находку обратно. Разведать указанные местонахождения четвертичной фауны ни у столичных учёных, ни у курян из ГСК мысли тогда не возникло.

На основании собранных тогда материалов и личных наблюдений за историческими памятниками губернии Н.И. Златоверховников составил и опубликовал на средства ГСК содержательную брошюру. К этому каталогу регулярно обращались и обращаются краеведы, историки и просто туристы следующих поколений (Златоверховников, 1902).

Кроме того, данное правительственное мероприятие подготовило в провинции почву для более сознательного отношения к последовавшей вскоре уже специально археологической анкете ИМАО. В Курской и смежных с нею губерниях этот опрос провели в 1901 г. по просьбе П.С. Уваровой в рамках подготовки к очередному, XII Археологическому съезду в соседнем Харькове (1902 г.). Этим всероссийским мероприятием, убеждали курян его инициаторы, «создаётся исключительный момент в истории края, когда многие учёные силы и значительные денежные средства будут употреблены на изучение его в археологическом и историко-этнографическом отношении» (О доставлении, 1901, л. 1).

Надзорные функции губернского статистического комитета в отношении разных памятников старины изначально предусматривались и неоднократно подтверждались МВД. Так, циркуляр министра внутренних дел за № 13 в 1886 г. обязывал полицейских приставов при описи имущества по решению суда выделять в отдельные перечни вещи, представляющие археологическую ценность, и направлять их в статистический комитет или потом в Губернскую учёную архивную комиссию (открытые к тому времени всего в нескольких губерниях), а в случае отдаленности тех и других отправлять соответствующие сведения в Петербургский Археологический институт, открытый академиком Н.В. Калачовым как головная организация запроектированных им губернских архивных комиссий. Циркуляр же № 31 за 1894 г. напо-

минал губернским статистическим комитетам о необходимости принимать на хранение и экспертизу случайные находки, имеющие археологический интерес; важнейшие из них пересылать в ИАК для проверки и помещения в крупные музеи.

Издательская деятельность губернского статистического комитета заслуживает специальной оценки историка отечественной науки и культуры. Кроме широко распространённых по губерниям и областям России «Памятных книжек» – ежегодных справочников, путеводителей и одновременно альманахов краеведческих материалов (Балацкая, 2008), куряне выпустили в свет 4 объемистых тома «Трудов» своего комитета (Курск, 1863, 1866, 1877 годов) и 7 выпусков «Курского сборника» меньшего формата, но столь же высокой информативности по историко-этнографической части. Цифровые отчёты губернских статистиков хорошо сочетались под этими обложками с разнообразными по тематике очерками краеведов, несколькими статьями столичных ученых – Д.Я. Самоквасова (о его курганных раскопках на Псле), А.А. Спицына («Обозрение Курской губернии в археологическом отношении» из его знаменитой серии региональных сводок результатов раскопок и случайных находок археологически значимых вещей), Д.К. Зеленина (о курских рукописях по этнографии в архиве Императорского Русского Географического общества), других авторов из Москвы, Петербурга, Киева, Харькова. Как видно по приведенным именам, с провинциальными краеведами сотрудничали известные авторы, подлинники основоположники археологии и этнографии в России.

Издания российских комитетов статистики оценивали как образцовые с научной и просветительской точек зрения уже современники, включая самых компетентных в гуманитарной библиографии специалистов. Так, киевский профессор В.С. Иконников в своём обобщающем труде выделял как лучшие по всей стране публикации комитетов статистики Воронежа, Курска, Перми и Чернигова (Иконников, 1891, с. 276).

Куряне, ко всему прочему, отмечены в истории российской статистики красной строкой благодаря такому почину, как *корреспондентская связь с коллегами из разных губерний*. «В 1862 году в Курском губернском статистическом комитете возникла мысль о необходимости этой солидарности в действиях комитетов; на первый раз – ...о печатании всех протоколов

его, с целью рассылки их другим комитетам, для взаимного обмена мыслями и единства в некоторых действиях комитетов... Эта мысль была горячо принята всеми комитетами... и... вместо простого обмена протоколами комитеты стали меняться и всеми [остальными] изданиями своими» (Гациский, 1875, с. 3).

Советская и российская историография не заметили в ГСК один из ростков гражданского общества в помаленьку, но неуклонно модернизируемой на общеевропейский, прогрессивный манер Российской империи (Миронов, 2012; а—в 2015; 2017; 2019). Хотя круг членов этих учреждений за почти сто лет их существования заметно расширился за счет мест-

ной элиты и интеллигенции, они с начала до конца остались под плотным контролем государства. Зато подготовили почву, идейную и материальную (в виде помещений, коллекций древностей, печатных изданий, отдельных знатоков своего края), для почти независимых, собственно общественных и добровольных ассоциаций на ниве археологии — ученых архивных комиссий, церковно-археологических комитетов и тому подобных объединений любителей и знатоков отечественной старины в провинции. Автоматическое и повсеместное уничтожение ГСК большевиками нанесло серьезный урон археологии, этнографии и архивистике на местах.

Примечания:

¹ Области войска Донского и тому подобными экстерриториальными образованиями империи.

² По его собственному разъяснению, не из тех Муравьевых, которых вешают — как его родственника, декабриста С.И. Муравьева-Апостола, а из тех, которые вешают. Вошёл в историю под таким прозвищем — «Вешатель» или «Палач». В Курске он, конечно, в отличие от усмирявшейся им Польши, не вешал в прямом смысле, но достаточно жёстко подавлял чиновничью коррупцию.

ЛИТЕРАТУРА

Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской Империи. 1933–1917. Сводный каталог-репертуар. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 645 с.

Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-х –1890-х годов. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киров: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. 23 с.

Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. Воронеж: Типо-лит. губ. правления, 1892. 84 с.

Гациский А.С. Очерк статистический съездов в России // Сборник в память I Русского статистического съезда 1870 года. Вып. 2. Нижний Новгород: Тип. Нижегород. губ. правления, 1875. С. 5–29.

Горбачев П.О. Приключения курского мамонта // Городские известия. 2015. № 7 (357). 17 февраля. С. 7.

Древности. А. Меловая крепость (древний острожек или крепость первобытного города); Б. Вал на р. Рати // Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск: Тип. губ. правления, 1860. С. 44–49.

Захарова И.М. Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2005. 32 с.

Игумнов Е.В. Создание губернских и областных статистических комитетов в Сибири и их научная деятельность (1835–1917 гг.). СПб.: Ин-т телевидения, бизнеса и дизайна, 2010. 87 с.

Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск: Тип. губ. правления, 1902. 98 с.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 2. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1891. 882 с.

Историко-статистическое описание такой-то церкви или обители // ГАКО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1636. Л. 1–2.

Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1987. 208 с.

Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1987. С. 85–96.

Лебедев С.В. Астраханский губернский статистический комитет: опыт хозяйственной и научно-просветительской деятельности: 1836–1918 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2009. 20 с.

Лукин Б.В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края // Общественные науки в Узбекистане. Вып. 6. Ташкент: АН УзбССР, 1962. С. 30–39.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 896 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 912 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.

Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 848 с.

Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

О доставлении Предварительному комитету по устройству XII Археологического съезда в Харькове чрез земских начальников сведений, касающихся местной старины. 1901–1902 гг. // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–5.

Первушкин В.И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза: ПГПУ, 2007. 214 с.

Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–2.

Протокол годового заседания Курского губернского статистического комитета от 24 марта 1876 года. № 39. 28 с.

Сахаров И.П. Записка для обозрения русских древностей. СПб.: Тип. Я. Третья, 1851. 80 с.

Семеновский А.М. Сборник в память I Русского Статистического съезда 1870 года. СПб.: Тип. М. Хана, 1872. Вып. 1. 579 с.

Скопа В.А. История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835–1919 годах. Барнаул: БГПУ, 2009. 209 с.

Старчикова Н. Е. Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй четверти XIX – начале XX века: на примере Пензенской губернии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза: ПГПУ, 2004. 22 с.

Щавелёв С.П. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820-е – 1830-е годы // РА. 1996. № 4. С. 177–184.

Щавелёв С.П. Географические предпосылки русской археологии: первые «Описания Курского наместничества» // История археологии: личности и школы: ММНК к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев, 5–8 октября 2010 г.) / Отв.ред. Н.И. Платонова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 316–323.

Юбилейный сборник Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. Т. L. 1863–1913. СПб., 1913. 308 с.

Информация об авторе:

Щавелёв Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук; профессор; заведующий кафедрой философии, Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Россия); sergei-shhavelev@yandex.ru

REFERENCES

Balatskaia, N. M., Razdorskii, A. I. 2008. *Pamiatnye knizhki gubernii i oblastei Rossiiskoi Imperii. 1933–1917. Svodny katalog-repertuar (Commemorative Books of the Governorates and Regions of the Russian Empire. 1933-1917. Consolidated catalog-repertoire)*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ. (in Russian).

Berdinskikh, V. A. 1994. *Gubernskie statisticheskie komitety i russkaia provincial'naia istoriografiia 1860-kh –1890-kh godov (Governorate Statistical Committees and Russian Provincial Historiography of the 1860s-1890s)*. Thesis of Diss. of Doctor of historical sciences. Kirov (in Russian).

Voskresenskii, N. V. 1892. *Istoricheskii obzor deiatel'nosti Voronezhskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta (Historical Overview of the Activities of the Voronezh Governorate Statistical Committee)*. Voronezh (in Russian).

Gatsissky, A. S. 1875. In *Sbornik v pamiat' I Russkogo statisticheskogo sezda 1870 goda (Collection in Memory of the 1st Russian Statistical Congress of 1870)* 2. Nizhnii Novgorod, 5–29 (in Russian).

Gorbachev, P.O. 2015. In *Gorodskie izvestiia (City Bulletin)* 357 (7), 7 (in Russian).

In 1860. *Pamiatnaia knizhka Kurskoi gubernii na 1860 god (Commemorative Book of Kursk Governorate for 1860)*. Kursk, 44–49 (in Russian).

Zakharova, I. M. 2005. *Provintsial'nye statisticheskie komitety Severo-Zapada Rossii: iz istorii stanovleniia otechestvennoi statistiki* (Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики). Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Igumnov, E. V. 2010. *Sozдание gubernskikh i oblastnykh statisticheskikh komitetov v Sibiri i ikh nauchnaia dejatel'nost' (1835–1917 gg.)*. (Creation of Governorate and Regional Statistical Committees in Siberia and their Scientific Activities (1835–1917)). Saint Petersburg (in Russian).

Zlatoverkhovnikov, N. I. 1902. *Pamiatniki stariny i novogo vremeni i drugie dostoprimechatel'nosti Kurskoi gubernii* (Monuments of Antiquity and the Modern Age and other Sights of Kursk Governorate). Kursk (in Russian).

Ikonnikov, V. S. 1891. *Opyt russkoi istoriografii* (The Experience of Russian Historiography) Vol. 1. Book 2. Kiev (in Russian).

Istoriko-statisticheskoe opisaniie takoi-to tserkvi ili obiteli (Historical and Statistical Description a Church or Monastery). State Archives of Kursk Oblast. Fund 20, inv. 3, dossier 1636, P. 1–2 (in Russian).

Kuchera, M. P. 1987. *Zmievy valy Srednego Podneprov'ia* (Змиевы валы Среднего Поднепровья). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Komarova, I. I. 1987. In Shmidt, S. O. (ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1986 god* (Archaeographic Yearbook for 1986). Moscow: "Nauka" Publ., 85–96 (in Russian).

Lebedev, S. V. 2009. *Astrakhanskiy gubernskiy statisticheskiy komitet: opyt hoziasvennoi i nauchno-prosvetitel'skoi deiatel'nosti: 1836–1918* (Astrakhan Governorate Statistical Committee: The Experience of Economic, Scientific and Educational Activities: 1836–1918.). Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).

Lunin, B. V. 1962. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* (Social Sciences in Uzbekistan) VI. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 30–39 (in Russian).

Mironov, B. N. 2012. *Blagosostoianie naseleniia i revoliucii v imperskoi Rossii. XVIII – nachalo XX veka* (Welfare of the Population and Revolutions in Imperial Russia. The 18th – Early 20th Centuries). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2015. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* (The Russian Empire: From Traditional to Modern). 1. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2015. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* (Russian Empire: from Traditional to Modern) 3. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2015. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* (Russian Empire: from Traditional to Modern) 3. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2017. *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiiskoi imperii* (Management of Ethnic Diversity in the Russian Empire). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Mironov, B. N. 2019. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia* (Russian Modernization and Revolution). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

O dostavlenii Predvaritel'nomu komitetu po ustroistvu XII Arkheologicheskogo sezda v Khar'kove chrez zemskikh nachal'nikov svedenii, kasaiushchihsia mestnoi stariny. 1901–1902 gg. (On the Submission of Information on Local Antiquity to the Preliminary Committee for the Arrangement of the 12th Archaeological Congress in Kharkov through Zemstvo Chiefs. 1901–1902). State Archive of Kursk Oblast. Fund 4, inv. 1, dossier 116, P. 1–5 (in Russian).

Pervushkin, V. I. 2007. *Gubernskie statisticheskie komitety i provintsial'naia istoricheskaiia nauka* (Governorate Statistical Committees and Provincial Historical Science). Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Programma arkheologicheskikh issledovani, po kotorym ozhidaetsia sodeistvie statisticheskikh komitetov (Program of Archaeological Studies, for which the Assistance of Statistical Committees is Expected.). State Archive of Kursk Oblast. Fund 4, inv. 1, dossier 37, P. 1–2 (in Russian).

1876. *Protokol godichnogo zasedaniia Kurskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta ot 24 marta 1876 goda* (Minutes of the Annual Meeting of the Kursk Governorate Statistical Committee dated March 24, 1876). No 39 (in Russian).

Sakharov, I. P. 1851. *Zapiska dlia obozreniia russkikh drevnostei* (Note for Russian Antiquities Review). Saint Petersburg: "Ya. Trey" Publ. (in Russian).

Sementovskiy, A. M. 1872. *Sbornik v pamiat' I Russkogo Statisticheskogo sezda 1870 goda* (Сборник в память I Русского Статистического съезда 1870 года). Saint Petersburg: M. Khan Typography (in Russian).

Skopa, V. A. 2009. *Istoriia razvitiia statistiki i statisticheskikh uchrezhdenii Tomskoi gubernii v 1835–1919 godakh (History of the Development of Statistics and Statistical Institutions of Tomsk Governorate in 1835–1919)*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University (in Russian).

Starchikova, N. E. 2004. *Istoriko-kraevedcheskaia deiatel'nost' gubernskikh statisticheskikh komitetov Rossii vo vtoroi chetverti XIX – nachale XX veka: na primere Penzenskoi gubernii (Historical and Local History Activities of the Governorate Statistical Committees of Russia in the Second Quarter of 19th – Early 20th Centuries: The Example of Penza Governorate)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Shchhavelev, S. P. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 177–184 (in Russian).

Shchhavelev, S. P. 2011. In Platonova, N. I. (ed.). *Istoriya arkheologii: lichnosti i shkoly. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoj konferentsii k 160-letiyu so dnya rozhdeniya V.V. Khvojki (History of Archaeology: Individuals and Schools. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 160th Anniversary of V.V. Khvojka)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia”, 316–323 (in Russian).

1913. *Iubileinyi sbornik Tsentral'nogo Statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del (Jubilee Collection of Papers of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs)* Vol. L. 1863–1913. Saint Petersburg (in Russian).

Kuchera, M. P. 1987. *Zmievyy valy Srednego Podneprov'ia (Serpent's Wall of the Middle Dnieper Region)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Shchhavelev Sergei P. Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kursk State Medical University. K. Marx, St., 3, Kursk, 305041, Russian Federation; sergei-shchhavelev@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.